

УДК 821 (091)

ЭКСПРЕССИОНИЗМ С ИМАЖИНИСТСКОЙ ДОМИНАНТОЙ И. СОКОЛОВА

© 2011 Т.А. Тернова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 3 февраля 2011 года

Аннотация: Феномен русского экспрессионизма в русском литературном варианте исследуется на примере теоретической и литературной деятельности лидера группы московских экспрессионистов И. Соколова. Выявляется логика отношения И. Соколова к имажинизму и разница в мировоззренческом обосновании использования единых приемов имажинистами и Соколовым.

Ключевые слова: экспрессионизм; имажинизм; И. Соколов; образ; прием.

Abstract: The phenomenon of Expressionism in the Russian literary form is investigated by the example of the theoretical and literary activities of the group leader of the Sokolov's Moscow expressionists. Reveals the logic of Sokolov's relations to Imagism and a difference in worldview justifying the use of common methods of Imagist and I. Sokolov.

Key words: Expressionism; Imagism; I. Sokolov; image; reception.

Первая треть XX в. была временем напряженных эстетических поисков, спровоцированных существенными мировоззренческими трансформациями. Экспрессионизм явился одной из наиболее адекватных эстетических реакций на кризисы начала XX века.

Существование русского варианта экспрессионизма требует уточнений на том основании, что он не был единым организационным явлением и его особенности «проявлялись через мирозерцание творца, через определенный стиль и поэтику, возникавшие внутри разных течений, делая их границы проницаемыми, условными» [1, 4].

Русский экспрессионизм (литературная деятельность группы экспрессионистов во главе с Ипполитом Соколовым, фуистов, группы «Московский Парнас», петроградских эмоционалистов) до настоящего времени остается малоизученным. Среди немногих работ, посвященных ему, можно особо отметить диссертацию В.Н. Терехиной [2], подготовленную ею антологию «Русский экспрессионизм» [3], ряд работ на ту же тему, вышедших в реферируемых научных из-

даниях ([4]), а также диссертацию А.А. Нененко [5], работы В.Ф. Маркова [6], И.Е. Васильева [7], Т.Л. Никольской [8], И.А. Вакар [9], Д.В. Сарабянова [10], И.М. Сахно [11].

Исследования, посвященные изучению индивидуальной литературной работы того или иного автора в русле экспрессионистской поэтики, единичны. Практически все они них сосредоточены на обнаружении экспрессионистских тенденций в прозе Л. Андреева (см. [12]). Изучение русского экспрессионизма на Западе началось значительно раньше, но, аналогично российской исследовательской ситуации, так и не стало «персональным» (см. [13]).

Вопрос о русском литературном экспрессионизме был актуален в 1920-е гг., в период развития этого литературного явления (см. [14]). Показательна точка зрения Ю. Тынянова на судьбу русского экспрессионизма, который к 1920 г. кажется ему уже исчерпанным эстетическим явлением [15, 126].

Изначально деятельность группы во главе с И. Соколовым воспринималась на фоне имажинизма. «Собирается конкретно заявить о своем существовании еще одна народившаяся в Москве группа поэтов, отказавшаяся от имажинизма и

ушедшая еще более влево, — группа поэтов-экспрессионистов, — сообщалось в «Вестнике литературы» за 1920 г.» [15, 446].

Таким образом, *актуальность* данной работы мотивирована малоизученностью специфики русского варианта экспрессионизма. *Предметом* исследования станут теоретические и художественные тексты лидера группы московских экспрессионистов И. Соколова. *Цель* исследования — выявить нюансы соотношения литературной работы московских экспрессионистов с имажинистской поэтикой.

Рассмотрение творчества московских экспрессионистов в избранном ракурсе отчасти предпринималось В.Н. Терехиной, которая указала на «имажинистскую доминанту» московского экспрессионизма, и А.А. Нененко. В своем диссертационном исследовании он обнаруживает два этапа в развитии московского экспрессионизма: имажинистский (1919 год) и собственно экспрессионистский (1920–1921 гг.) [5, 5]. Различительным критерием становятся используемые приемы поэтики («повышенная экспрессивность на фоне абстрактных манифестов, формализм, антиэстетизм» и «гротескность, контрастность, схематизм изображения действительности, радикализация цвета, симультанность стиля» соответственно). Тем не менее, поскольку А.А. Нененко сосредотачивается на двух аспектах мироотношения московских экспрессионистов (деструкции и эсхатологии), мы считаем возможным продолжение исследования в этом направлении. Предварительные наблюдения в избранном ракурсе делались нами ранее (см. [16]). *Новизна* нашего подхода будет состоять в выявлении целого ряда схождений в позициях имажинистов и экспрессиониста И. Соколова, помимо обозначенных в предшествующих исследованиях, на примере его теоретических работ и художественных текстов; выявлении внутренней логики взглядов И. Соколова на имажинизм; детальном рассмотрении «Полного собрания сочинений» И. Соколова.

Позиция Соколова по отношению к имажинизму была продиктована не только авангардной практикой эпатажа и желанием самовыражения. О ее внутренней логике свидетельствуют теоретические работы И. Соколова, в которых имажинизм становится предметом рассмотрения.

Любопытно, что И. Соколов толкует имажинизм как прием («имажинизм не отдельная литературная школа, а лишь технический прием» [17, 50]). Такое восприятие имажинизма проистекает из базовых характеристик постреалистического искусства с его акцентом на форму в противовес содержанию. Очевидно, что формализм и футуризм являются для И. Соколова синонимами и, в зависимости от того, какой из формальных приемов занимает главенствующее положение в теории той

или иной литературной группы, он и подразделяет футуристические течения на имажинизм, кубизм, евфонизм и т. п.: «В аморфном русском футуризме существовало четыре определенных течения: имажинизм, ритмизм, кубизм и евфонизм» [18, 56], «Каждая фракция футуристов культивировала что-нибудь одно: имажисты — образ, кубисты — новый синтаксис и новую этимологию, центрифугисты — ритм и евфонисты — рифму и ассо-диссонанс» [17, 50]. Важным в имажинистской практике И. Соколова считает также принцип эстетической новизны: «Политропизм <...> — максимально неожиданная комбинация образов» [20, 249].

В основе суждений И. Соколова об имажинизме лежат не факты групповой принадлежности, а увиденная извне логика литературного процесса. Взяв за основание критерий образности, он в работе «Экспрессионизм» причисляет к имажинизму Маяковского, Шершеневича, Большакова и Третьякова [18], а в «Воззвании экспрессионистов...» указывает имена Шершеневича, Третьякова, Есенина, Мариенгофа, Эрдмана и др. [19, 54]. Стоит заметить, что в этом перечне для И. Соколова существуют имена первого и второго ряда: «Имажисты Маяковский, Шершеневич, Большаков и Третьяков с 1913г. были имажистами, а с 1916г. стали классиками имажинизма» [18, 57].

Терминологически И. Соколов предпочитает английский вариант названия явления — имажинизм — хотя в заглавии своей работы «Имажинистика» использует принятое группой именование, замечая при этом: «правильнее производить от французского слова *image* не имажинизм, а имажинизм и не имажинисты, а имажисты. <...> По моему мнению, нужно было бы употреблять «имажинизм» не только потому, что иностранные имажисты называют себя имажистами, а не имажинистами» [20, 245]. Таким образом, для И. Соколова важно не столько размыкание имажинизма в общеевропейский контекст, сколько акцент на образе как таковом, увиденном в качестве технического средства создания текста, а не на учении, выстраиваемом вокруг него (-изме).

Имажинизм оказывается для И. Соколова не только явным носителем экспрессионистских установок («Сущность тропы в том, чтобы наиболее интенсивно репродуцировать ощущения» [20, 248]), но и одним из зачинателей экспрессионистской тенденции в русской поэзии. Тем не менее, Соколов полагает, что достижения и находки имажинизма уже состоялись, отводя литературную перспективу возглавляемой им группе экспрессионистов: «Имажинизм в 1919 году — анахронизм» [17, 50].

Однако желание И. Соколова создать движение, место которого — «значительно левее футуристов и имажинистов» [17, 50], на поверку оказывается не более чем декларацией. Значительное влияние на позиции группы и на поэзию И. Соколова

оказал имажинизм в варианте В. Шершеневича и А. Мариенгофа. Эта зависимость осознавалась самими представителями имажинизма. «В нарочитой метафорике Соколова — «На перекладине бровей, на канатах нервов болтаются синие трупы мертвых зрачков...» — Вадим Шершеневич видел пародию на свои стихи» [21].

Влияние имажинизма на поэтику стихотворений московских экспрессионистов отмечалось современной им критикой. Так, Ф.М. в рецензии на сборник Б. Земенкова, А. Краевского и В. Шершеневича «От мамы на пять минут» писал о его авторах: «Из них первые два — запоздалые и, судя по данным стихам, слабые эпигоны пресловутого имажинизма» (цит. по: [3, 478]).

Современные исследователи отмечают «имажинистскую доминанту» в поэзии И. Соколова. В.Н. Терехина, не конкретизируя свои наблюдения, распространяет эту характеристику на всю литературную деятельность автора [22]. А.А. Нененко [5, 6] и В.Ф. Марков [6, 550] считают влияние имажинизма моментом роста русского экспрессионизма как литературной школы.

Мы признаем правомерность обеих исследовательских позиций. С нашей точки зрения, на всем протяжении недолгой истории группы московских экспрессионистов наблюдалось как следование отдельным приемам имажинистской поэтики, так и расхождение с ней.

Выделим несколько моментов, объединяющих «экспрессионистские» (в узком смысле) и имажинистские эстетические предпочтения И. Соколова, как обозначенных исследователями (п. 1), так и впервые отмечаемых нами (п. 2-5). Принципиален для нас выбор текстового материала для иллюстрации этого сходства. Мы, в отличие от А.А. Нененко, не считаем необходимым ограничивать его 1919-м г., поскольку обнаруживаем приметы имажинистской поэтики и в более поздних текстах И. Соколова. Итак:

1) сходство образной системы, способов работы со словом, «изобразительная ассоциативность» (В. Терехина) словесных построений Соколова. Отсюда, к примеру, метафоры «шар головы», «борт губ» в стихотворении «Индусское» (1921) [3, 123], «балласт слов» (стих. «Скрябин» (1919) [3, 123], созданные по принципу сопряжения нерядоположных смыслов;

2) прием каталогизации образов: «основой своей поэзии имажинисты взяли образ, возможно большую насыщенность образами» (орф. авт. [22, 7]);

3) цитатность, отношение к чужому слову, когда различие своего и чужого становится нерелевантным. Ряд метафор в стихотворении «Скрябин» востребован из текстов А. Мариенгофа. Так, образ «слово — молоко», лежащий в основе поэмы «Развратничаю с вдохновением», переигрывается у

И. Соколова: «губы — отвисшее вымя, их бы доить и доить — и слова потекут» [3, 121];

4) характер автометаописаний, поддержанных стилевым смешением высокого поэтического и канцелярского: см. «...имя мне при рождении дали / И т. д.» у А. Мариенгофа и «...не во френче И. Соколов» у Соколова [3, 121];

5) специфическое решение религиозного боготворческого сюжета: «Она извивается, как язык Самого» [3, 123], «На ослице без Христа я не закричу, не закричу: «Осанна!» [3, 123]. «Отличительная черта — стремление, подобно Мариенгофу и К, сказать о Боге что-либо “занозистое”» [22, 7].

Перечисленное может быть осознано как реализация ключевых моментов имажинистской поэтики неразличений, построенной на совмещении высокого и низкого, своего и чужого. Тем не менее, принципиально по-разному решается И. Соколовым и имажинистами вопрос о соотношении искусства и реальности. Если имажинисты настаивают на их разведении, то И. Соколов, напротив, мыслит свою литературную деятельность как средство для создания нового мира, как начало новой эпохи, которую определяет как эпоху «монументализма»: «Экспрессионизм <...> конструирует нашу эпоху» [18, 64]. Таким образом, сциентистская направленность имажинистской поэзии, реализуемая представителями направления исключительно в пространстве художественных текстов, преобразуется в варианте И. Соколова в основание миромоделирования. В работе «Экспрессионизм» он пишет об этом: «Принципы экономии и утилитарности создадут стиль тейлоризма в современном мышлении (алгебраизация речи), в искусстве (экспрессионистический конструктивизм), в технике, в быте, в мебели, в костюме, в манере говорить, в обстрижке ногтей» [18, 65]. Социально-эстетическая программа реализуется у И. Соколова с использованием приемов имажинистской поэтики.

Более детально рассмотрим «Полное собрание сочинений» И. Соколова. Текст представляет собой результат поэтического эксперимента и может быть воспринят как один из примеров авангардного метаописания, поскольку является практической реализацией доктрины московского экспрессионизма. Метаописательно уже начало текста: «ИТАК: я швыряю новые принципы полиметрики» [3, 69].

Приведенная цитата демонстрирует не только эпатаж как часть жизнотворческой практики московских экспрессионистов, но и визуализирует базовые мировоззренческие установки авангарда, настаивающего на первичности искусства по отношению к реальности. Модель текстостроения, когда формальная логика определяет содержание текста, детально проработана в поэзии В. Шершеневича, имеющей нарочито сциентистский

характер (см., например, его стихотворения «Ду-атематизм», «Однотемное разветвление»).

Свои тексты, являющиеся реализацией поэтических приемов, И. Соколов эпатажно позиционирует как «не стихи». В слове «сочинения» в заглавии «Полного собрания», таким образом, актуализируется первичный смысл корня, обостряется момент созданности, рационального творения.

Рационализм замысла реализуется в композиции текста, фрагменты которого помечены буквами русского алфавита от А до М. Возникает подобие каталога, в очередной раз напоминающего о имажинистских приемах текстостроения (идея каталога образов, в свою очередь, восходящая к итальянскому футуризму). Незавершенность каталожно-алфавитной модели размыкает текст во временной перспективе, тем более, что он позиционируется как «Издание не посмертное», «Т. 1». Таким образом, в произведении И. Соколова прослеживается характерная для авангарда установка на неготовность текста, которая имеет мировоззренческое обоснование и иллюстрирует отказ от настоящего в пользу будущего.

Введение каждой очередной буквы алфавита иллюстрирует смену предмета изображения или объекта осмысления: А – деревья, Б – снега, В – небесный режиссер и т. п. Текст представляет собой своего рода шифр, одновременно эпатажирующий и вовлекающий в процесс чтения компетентного читателя (вспомним заглавие запланированных И. Соколовым к изданию текста: «Жизнь в ребусах»). Один из фрагментов «Полного собрания» соответственно обозначен как «Отрывок из шифрованной «Библии города» Ветхий Завет, 21-й».

К предполагаемому читателю апеллирует ряд общих мест авангардной поэзии, востребованных И. Соколовым. В их числе вовлечение в текст характерной для неклассической образности метафоры «Бог – кукловод» («Небесный режиссер ежегодно ставит / зиму с бурями, заносами и другими / театральными эффектами» [3, 70]). Не нова для эпохи и мысль о первичности искусства по отношению к реальности: «Зима правдива и естественна, как на / сцене Художественного театра» [3, 70]. В этой логике вводится и частотный для имажинизма образ цирка, также метафоризирующий реальность: «Под цирковым куполом неба солнечные лучи акробаты», а также соответствующая цветовая палитра: «Солнце полощет в воде свои рыжие волосы» [3, 70].

В тексте Соколова фиксируется характерный для имажинизма интертекстуальный пласт. Так, например, фрагмент о звездах отсылает к стихотворению В. Маяковского «Послушайте!»: «Вдруг кто-то ладонью затушил на / потолке сальные свечки звезд». Обращение к претексту завуалировано, что типично для имажинистского использования чужого слова. Звезды во фрагменте текста метафоризируются дважды: звезды – свечи, звезды – зерна.

Второй образ создает отсылку к фольклорному материалу: «Тучи, как куры, поклевали пшеничные зерна» [3, 71]. Таким образом, в одном ряду оказываются неиерархизированные источники, что, в свою очередь, напоминает об имажинистской поэтике неразличений, тем более что в тексте присутствуют и нерядоположные в стилистическом отношении лексемы: «паникадило», «звезды», «Мадонна» – «прыщавый», «таз», «наглый».

Текст Соколова не прочитывается как абсолютный перепев имажинистских литературных находок, поскольку включает в себя навеянный экспрессионизмом образ крика. Метафора крика в тексте реализуется, он наделяется антропоморфными признаками: «Какой-то крик спрыгнул с трампли- / на губ» [3, 72]. Мы уже отмечали частотность образа губ у имажинистов, но имажинистской поэтикой использование этого образа не ограничивается. К образу губ обращается литература неклассической парадигмы в целом, поскольку она, будучи лингвоцентрической, актуализирует акт говорения, подавая его в разных ракурсах: от мифопоэтического (модернизм) – до телесно-вещественного (авангард). Вспомним о позиционировании И. Соколовым экспрессионизма как поля схождения достижений литературных предшественников (отсюда замысел создания «Истории символизма и футуризма», издание книги «Имажинистика»).

Одной из своих задач на пути преодоления имажинизма И. Соколов считает «отрицание обычного метра и ритма». Действительно, «Полное собрание» представляет собой вариант тонического стихосложения. Оно лишено размера (на строку приходится редко 3, чаще 4-5 ударений). Некоторые слова, оказываясь в конце строк, разбиваются на части по принципам традиционного слогаделения: «парики ду- / бов обсыпаны пудрой».

По-новому воспринимаются границы не только отдельной строки, но и текста в целом. Так, с традиционной точки зрения все «Полное собрание» представляет собой 6 стихотворений, но в рамках целого каждое из них теряет свою завершенность. Текст не выстраивается в стихотворный цикл, поскольку не содержит сквозных мотивов и образов. Единственным связующим началом оказывается прием каталогизации образов. Принципиальная нецелостность текста подтверждается тем, что стихотворный каталог произвольно, без логического и метрического обоснования, завершается буквой М.

Таким образом, «Полное собрание» может быть рассмотрено как поэтический эксперимент, в котором И. Соколов решает задачу преодоления имажинистской эстетики. Тем не менее, этот замысел оказывается, скорее, намеченным, чем реализованным. Поэзия И. Соколова вписывается в целом в широкий контекст неклассической литературы первой трети XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Терехина В.Н. Экспрессионизм в русской литературе первой трети XX века. Генезис. Историко-культурный контекст. Поэтика / В.Н. Терехина. — М. : ИМЛИ РАН, 2009. — 320 с.
2. Терехина В.Н. Экспрессионизм в русской литературе первой трети XX века. Генезис. Историко-культурный контекст. Поэтика: Дисс. ... докт. филол. наук / В.Н. Терехина. — М., 2006. — 398 с.
3. Русский экспрессионизм. — М. : ИМЛИ РАН, 2005. — 512 с.
4. Терехина В.Н. Путиями русского экспрессионизма / В.Н. Терехина // Вестник Рос. гум. науч. фонда. — 2004. — Вып. 4. — С. 82-95; Терехина В.Н. «Москва погрузилась в экспрессионизм...» / В.Н. Терехина // Вестник истории, литературы, искусствознания. — 2006. — Т. 2. — С. 173-183.
5. Нененко А.А. Лирика московских поэтов-«экспрессионистов» 1919–1921 годов: стилевые тенденции, деструктивность, эсхатология: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / А.А. Нененко. — Ишим: Ишимский ГПИ, 2007. — 18 с.
6. Марков В.Ф. Экспрессионизм в России / В.Ф. Марков // Поэзия и живопись. — М. : Языки русской культуры, 2000. — С. 541-555.
7. Васильев И.Е. Русский поэтический авангард XX века / И.Е. Васильев. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. — 320 с.
8. Никольская Т.Л. К вопросу о русском экспрессионизме / Т.Л. Никольская // Тыняновский сборник. — Рига : Зинатне, 1990. — С. 173-180.
9. Вакар И.А. Кубизм и экспрессионизм: два полюса авангардного сознания / И.А. Вакар // Русский авангард 1910–1920-х годов и проблема экспрессионизма. — М. : Наука, 2003. — С. 26-43.
10. Сарабьянов Д.В. В ожидании экспрессионизма и рядом с ним / Д.В. Сарабьянов // Там же. — С. 3-13.
11. Сахно И.М. О формах экспрессии и экспрессионизме в поэзии русского авангарда / И.М. Сахно // Там же. — С. 137-147.
12. Филоненко Н.Ю. Становление и развитие поэтики экспрессионизма в творчестве Л.Н. Андреева 1898–1908 годов: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Н.Ю. Филоненко. — Елец: ЕГУ, 2003. — 18 с.; Бондарева Н.А. Творчество Леонида Андреева и немецкий экспрессионизм: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Н.А. Бондарева. — Орел: ОГУ, 2005. — 24 с.; Вилявина И.Ю. Художественное своеобразие прозы Л. Андреева. — Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / И.Ю. Вилявина. — М.: МПГУ, 1999. — 17 с.; Румянцев М.Г. Стиль прозы Леонида Андреева и проблема экспрессионизма в русской литературе начала XX века: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук / М.Г. Румянцев. — М. : Лит. ин-т им. А.М. Горького, 1998. — 16 с.; Югова И.В. Экспрессионистские тенденции в русской прозе 1920-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.В. Югова. — М. : МГУ, 2000. — 18 с.
13. Markov V. Expressionism in Russia / V. Markov // California Slavic Studies. — Berkeley, 1971. — Vol. 6. — S. 55-67; Schaumann G. Majakovskij und der deutsche Expressionismus / G. Schaumann // Zeitschrift für Slavistik. — 1970. — В. XV. — S. 517–520; Ришар Л. Энциклопедия экспрессионизма / Л. Ришар. — М. : Республика, 2003. — С. 3-240.
14. Нейштадт В.И. Тенденции экспрессионизма / В. Нейштадт // Нейштадт В. Чужая лира. — М. — Пг. : Круг, 1923. — С. 121-133; Фабрикант М.И. К стилистике экспрессионизма / М.И. Фабрикант // Искусство. — 1928. — Кн. 1-2. — С. 17-26.
15. Тынянов Ю.Н. Записки о западной литературе / Ю.Н. Тынянов // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. — М., 1977. — С. 124-131.
16. Тернова Т.А. Экспрессионизм по-имажинистски И. Соколова / Т.А. Тернова // XIX Пуришевские чтения. — М. : МПГУ, 2007. — С. 235-236.
17. Соколов И. Хартия экспрессиониста / И. Соколов // Русский экспрессионизм. — М.: ИМЛИ РАН, 2005. — С. 50-52.
18. Соколов И. Экспрессионизм / И. Соколов // Там же. — С. 55-57.
19. Земенков Б. Воззвание экспрессионистов о созыве Первого Всероссийского Конгресса поэтов / Б. Земенков, Г. Сидоров, И. Соколов // Там же. — С. 52-54.
20. Соколов И. Имажинистика / И. Соколов // Литературные манифесты: «От символизма до «Октябрь». — М.: Аграф, 2001. — С. 245-252.
21. Терехина В.Н. Бедекер по экспрессионизму / В.Н. Терехина // Анналы. — 1998. — № 1. — URL: <http://magazines.russ.ru/arion/1998/1/tereh051-p.html>
22. Крич[евская] Е. Рец. на «Полное собрание сочинений» И. Соколова / Е. Крич[евская] // Новый мир. — Берлин. — 1921. — 2 окт. — С. 7.

Тернова Т.А.
 Воронежский государственный университет.
 Кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры русской литературы XX века.
 e-mail: ternova@phil.vsu.ru

Ternova T.A.
 Voronezh State University
 Candidate of Philology, Assistant Professor, senior staff scientist of the chair of Russian literature of XX century.